

Вячеслав ПАУТОВ

ПОСЛЕДНИЙ ЭРИЛЬ

Вместе с приходом ночной тьмы стих, наконец, и людской шум в переходах королевского дворца, совсем недавно обосновавшегося в Старом городе Стокгольма, поближе к Парадной гавани. Только гвардейцы-драбанты в васильково-жёлтых мундирах, украшенных начищенными до серебряного блеска пуговицами, и такими же пряжками сапог, мерно вышагивали по его коридорам, оставив гулкую чёткость воинского шага до утра, даже переключка дворцовой стражи вокруг замка стала тише и односложнее. В эти часы, охраняя короля, они, прежде всего, обеспечивали его покой и возможность, хоть на время короткой летней ночи, удалиться от бесконечных дневных забот и остаться предоставленным лишь самому себе.

Густав II Адольф из рода Васа, теперешний король Швеции, стоял напротив внушительного дворцового окна, забранного фигурной решёткой, прекрасно освещавшего днем этот главный королевский кабинет. Здесь всегда было уютно и хорошо думалось, вот и сейчас белая северная ночь не навевала тоскливого ожидания очередных утренних неожиданностей, чаще всего неприятных. Та часть Стадсхольмен — улицы перед дворцом, которую сейчас видел король, — давно опустела, выдавая своё существование лишь лужицами воды от только что прошедшего дождя, загадочно мерцавшими в тусклом лунном свете. Шумная столица медленно погружалась в ночной сон.

Только чайки, извечно страдающие бессонницей, продолжали гомонить, превратив набережную в подобие птичьего базара, видимо, выбрав её особо подходящим местом для обсуждения дневных новостей. И Парадная гавань тоже не погрузилась во всеобщий сон, она скорее чутко дремала, насторожённо отзываясь на посторонние звуки и движения на воде. Военные корабли и сейчас стояли на боевом посту, оберегая покой и мир в столице: многочисленными огненными глазами светились фонари на мачтах, переговаривались вахтенные команды, позвякивало оружие, мерно стучали морские волны в крутобокие борта деревянных гигантов.

Король, наконец, расслабил кисти рук и освободил пальцы, сцепленные в замок за спиной, а затем слегка неверной, затёкшей от напряжения правой ослабил давление на взопревшую шею массивного воротника из плотных голландских кружев — дышать стало легче, а мысли обрели необходимую живость. Расстегнув королевский камзол, больше похожий на гвардейский мундир, до пояса, Густав Адольф шагнул к рабочему столу, заваленному чертежами необычного корабля с надписью *Vasa* вперемежку с морскими картами, и зажёл ещё две свечи в подсвечнике, поместив освещение ближе к центру.

За морем третий десяток лет шла кровопролитная война за христианскую веру без развращённого, вечно праздного, но коварного и пагубного в своём влиянии Ватикана. Королевский род Васа славился государями-воинами, преуспевшими в искусстве военного противостояния захватчикам и врагам страны, но все их деяния совершались ради укрепления собственной власти в Швеции, ради собственного королевского благополучия. И всё, чего они достигли и что завоевали, вкладывалось здесь. Густав Адольф же вынужден был тратить немалые средства на войну вне своего королевства, считая защиту новой веры залогом свободы и независимости государства от духовного влияния Рима в будущем, потому что именно там, в Европе, сейчас решалась судьба и далёкой Швеции, дерзнувшей поддержать воинственных отступников. Страна, шесть веков назад освободившаяся от язычества, теперь так же рьяно и кровопролитно освобождалась от сменившего его канонического католицизма.

Королевская армия и флот успешно воевали на море и побеждали на суше, потому самого Густава Адольфа прозвали Северным Львом. Но неожиданно война затянулась, а средства на её продолжение таяли быстрее весеннего снега. И тогда шведский

король задумал противопоставить морской военной мощи противника своё искусство флотоводца, разумное в подобном применении и затратах на достижение цели — изрядно потратиться один, но последний раз, решив сложную и хлопотную задачу господства на море одним махом. Никто ранее этого не делал, потому что не верил в успех, оттого и надёжные советники, многоопытные корабельцы, сами моряки и даже хранители казны королевский проект посчитали слишком наивным, вольнодумным и безнадёжным по отношению ко всему предыдущему опыту кораблестроения и кораблевождения.

Гвардии, флоту и войскам нечем стало платить, потому что одержимая мечта короля ела деньги, как боров ботвинью, — все и сразу. В то время, даже забродившая от недостатка соли салака годилась голодным солдатам в пищу, а смена обуви и амуниции не один год ждала своей очереди, пушки — ремонта, обновления и полной реформации артиллерии, ведь в Британии, чей флот и армия считались законодателями военного искусства по всему свету, давно перешли на новые модели. По всей стране воцарилась та же напасть, что и в захолустном, заброшенном, да к тому же нищем крестьянском селении летом — старый урожай уже давно съели, а новый ещё не вырос. И теперь голод грозит всем...

Но Густав Адольф оставался львом, который на монаршем гербе означал тотемного верховного зверя, соединяющего в себе и пылкий пытливый разум, и непобедимую силу, и непререкаемую властность, и неиссякаемое умение превозмогать трудности, лишения и любые неудачи — черты природы, так отличающие северян от всех других народов. А также дар красноречивого вразумления и убеждения поданных в своей праведной сострадательности к любому из них — от канцлера до простого солдата-кнехта, которого король, возможно, никогда не видел и не увидит. Лев обязан оставаться львом всегда и везде, потому что он — лев.

А какова же была та дерзкая мечта, та идея, однажды и навсегда завладевшая шведским королём и не отпускавшая того по сию пору? Плавающий форт, корабль-город, корабль-крепость, корабль своей мощью и возможностями заменяющий целую эскадру, корабль ценой в половину всего флота. Вот какому свершению Густав Адольф дал жизнь, воплотив в реальность и поставив на воду под именем «Vasa», в честь своего непобедимого предка-завоевателя, освободителя Швеции от датских земельных и властных претензий — Густава I Васа, чтобы завтра предъявить своё детище всему свету. И этот грешный вызов уже грядущим утром будет брошен прямо в лицо всем: Господу, врагам, друзьям, казне, стране, самому себе. Нет, это не было игрой, но на карту Густав Адольф поставил всё, что имел, и всё, чем дорожил.

Такое решение не приходит само собой — без сомнений, терзаний духа, тяжёлого и безжалостного самосуда, поиска оправданий самому себе и немого спора с всё ещё несогласными с ним соотечественниками. Сомнения всегда будут предвещать любые принятые решения до появления их результатов на глазах у всех неверящих, всех противников задуманного, и тогда судьёй отступника становится весь свет, весь окружающий мир.

Вот так и Густав Адольф мучился сомнениями и жаром внутреннего, немого спора с самим собой этой короткой летней ночью, последней ночью перед разрешением судьбы его вызова существовавшей действительности, всем мнениям и правилам, которые ещё никто до него не опроверг и не осмелился оспорить, нарушить наяву. И последняя капля противоречий, переполнивших душу короля, выплеснулась наружу, обратившись в слова протеста и горького, но последнего сомнения:

— Негоже христианину унижаться перед проповедником языческой ереси... Негоже снисходить до святотатства, даже ради благоденствия собственного народа... Негоже... перестать быть государём, склонившись перед тяжёлой, тёмной, безжалостной и смертельной неизвестностью. Но я уже и так слишком многим пренебрёг, чтобы отвергнуть этот последний шаг к истине. Так пусть он свершится. Дай мне Господь твёрдости и выдержки, потому что если я проиграю, то мы с тобой останемся лишь вдвоём — ты и я... Точнее, я без всего.

В удовлетворении от принятого решения огладив короткую и ухоженную на европейский манер бороду светло-каштанового цвета, король уже спокойно и деловито встряхнул бронзовый колокольчик. Звук казался негромким, но тяжёлая дверь легко отворилась, и на пороге появился друг юности Густава Адольфа — Аксель Оксеншерна, с лёгкой, но твёрдой руки первого ставший канцлером — главным советником и помощником короля.

— Мой король, язычник, мастер рун из Вольдемарсвика, о котором ты мне говорил, давно доставлен. И я сию же минуту готов предоставить гадателя для разговора с тобой. Представь себе, старик сопротивлялся всю дорогу, но когда узнал, для чего и для кого нужен, перестал шуметь и преклословить. И уже здесь до самой ночи сидел спокойно, а вёл себя смирно... Прости, государь, но мне кажется, что этот эриль, как

он сам себя величает, давно выжил из ума. Всю дорогу до Стокгольма твердил о злобе всеильного Ньёрда¹ и каком-то снопе сена, стрелах давно позабытого бога Одина, которые может остановить лишь заговорённая тряпка, толковал о морской воде, несущей близкое разочарование и крах надежд на успех, славил и превозносил деяния какого-то неведомого льва. А может, и не льва вовсе... Прости, мой король, ещё раз, но из его кривотолков, похожих на околесицу умалишённого, я ничего важного не почерпнул, тем более что старик говорит на старом языке, который я понимаю с трудом, — чуть склонившись в церемониальном поклоне, произнёс Аксель.

Своё родовое имя он носил не зря: широкий воловий лоб делал лицо канцлера внушительным, убедительным и всёгда серьёзным, но в то же время — упрямым, любознательным и проникательным, а воловьи — карие, круглые, чуть на выкате — глаза усиливали это сходство. Оксеншерна обладал чрезвычайным умом и прозорливостью, но в нужных, особенно щепетильных ситуациях, таких как та, в которой он оказался сейчас, канцлер мог прикидываться недалёким, а порою откровенно глуповатым. Ох, и хитёр был Аксель Оксеншерна.

Представленный королю человек выглядел странно: при всём старческом облике ночного гостя, притягивали внимание его прямая спина и живой взгляд серых пытливых глаз, измождённое, изрезанное морщинами лицо сочеталось с сильными руками и устойчивыми ногами — старик совсем не горбился, а голову держал высоко. На немой вопрос Густава Адольфа он ответил чуть глуховатым голосом:

— Государь! Я — Юхан Рунскерре² из Остергётланда, который теперь называется Эстергётландом. Край, давший мне жизнь, хлеб и призвание, теперь первая из трёх золотых корон на твоём стяге. А королевский человек, что стоит рядом, силой привёз меня сюда. Но я не откажусь помочь тебе советами, а также отвечу на все вопросы, если ты позволишь мне говорить об этом. Эрилю не зазорно беседовать с соотечественником, давно отрёкшимся от веры древних богов. Ведь на родной земле они продолжают помогать всем северянам, даже тем, кто давно поклоняется Белому Богу.

— Почему ты называешь себя эрилем, старик? Не жрецом, не проповедником, не изгоем нашей веры, не колдуном и не магом, а именно так? — в словах короля прозвучал интерес к этому живому воплощению далёкого прошлого. Оказалось, что возможности подобной встречи Густав Адольф ждал давно, но ни с кем не делился этой потребностью.

— Потому что я — ни тот, ни другой и, тем более, не третий. Не нужно видеть во мне колдуна, подчинившего себе силу и возможности священных рун, или мага-обманщика, что тешит себя несуществующей властью над божественными откровениями. Эриль — лишь посредник в разговоре достойного с могучими богами прошлого, и через эриля, при помощи рунных знаков, высшие являют свою волю. Всеотец жив, ведь Рагнарёк ещё не грянул, этот вождь асов и теперь остаётся единственным, кому под силу управлять рунами, единственным, кому доподлинно известен тайный смысл посланий Вечности. Возможно, я последний носитель этого звания, и оно умрёт вместе со мной навсегда. Поверь, государь, мне нечего терять, срывая перед тобой покров тайны со знаков древней мудрости, ведь эриль — это не ремесло, которому можно научить или передать кому-либо, а призвание, спущенное свыше. Эрилем нельзя стать — им нужно родиться. Боги зовут, и мы идём на их зов, — произнося свою речь, старик стоял гордо выпрямившись, без единого признака суетливого почтения или раболепия. Он выглядел так, как полагается выглядеть обладателю древней мудрости.

— Так делай своё дело, грязный язычник, и убирайся, — в нетерпении бросил канцлер, возмущённый непочтительным поведением старца. Даже будучи другом королю, он не мог позволить себе такой вольности в речах и поведении. Протест Акселя прервал знак королевской руки, призывающий подданного к молчанию. Сам Густав Адольф продолжал внимательно разглядывать эриля, накрепко завладевшего монаршим вниманием. И лёгкий кивок, скорее намёк на него, разрешил старику продолжать.

— Нельзя говорить с богами, находясь в каменном мешке. Мне нужна трава, земля и живое небо, — сказав эти слова, старый Юхан Рунскерре повернулся спиной к королю и шагнул к двери. Тотчас же вытянутая рука Акселя Оксеншерны преградила дорогу безумному старику — остановила дерзкого на самом выходе. Но Густав Адольф ещё раз утвердительно кивнул, и они вышли в полутёмный коридор дворца. Четыре драбанта, охранявшие вход в рабочий кабинет короля, вытянулись и отсалютовали монаршей особе начищенными до блеска столового серебра мушкетами.

¹ Ньёрд — (др.-сканд. *Njörðr*) — в скандинавской мифологии бог из ванов, отец Фрейра и Фрейи. Ньёрд представляет ветер и морскую стихию.

² Рунскерре (шв.) — ведающий тайны рун, рунный предсказатель, господин рунного шёпота, тот, кто является доверителем рунных откровений, т.е. то же, что и эриль.

Дежурная пара королевских гвардейцев проводила непривычно выглядевшую трицу — чуть впереди шёл старик в ветхом одеянии, похожем на монашеское, сбоку от него — канцлер с факелом, а на два шага позади — сам, загадочно улыбающийся король — до следующего караула. Так в полном молчании трое означенных лиц попали в дворцовый парк. Летняя, серая и мгlistая ночь оказалась в самом разгаре, а луна, прикрытая облаками, подслеповато щурясь, бдела на предрассветном небе.

Эриль сунул руку за пазуху и вынул посеревший от времени и частого употребления квадрат белого полотна, разделённого по линии сгибов на клетки-дома. Бережно расстелив свой гадальный платок на траве, старик поднял глаза к небу и голосом, полным страстной мольбы, произнёс:

— *Alföðr, æðstan goða!*¹ *Algingautr!*² *Rúnatýr!*³ *Ek erilar Johangr sa trúr hateka...*⁴ *Kom þu og blessi hönd þjónn þinn!*⁵ — этот призыв, такой же чистый и пронзительный, как любое обращение верующего к высшей силе, к высшей воле, высшему закону бытия, эхом пробежался по тягучей тишине дворцового парка и беспрепятственно устремился к мрачному небу. Жаль, ни канцлер, ни даже сам король Густав Адольф не знали древнего языка своих исконных подданных, тем самым отделяясь и отдаляясь от них. Правители и хозяева страны с многовековой историей, полной легенд, сказаний и преданий, так и не поняли, о чём просил небо своенравный старик, какие силы призывал на помощь.

Рука Юхана Рунсхерре снова скользнула за полу старого, заплатанного во многих местах плаща, и на свет появился матерчатый мешочек красного цвета, который был тут же развязан, а на ладонь старика плотной вязанкой высыпались костяные пластинки с вырезанными на них рунами. Эриль освободил священные знаки от шнурка, на который они были нанизаны и связаны, а потом вернул обратно в мешочек. Стоя на коленях, старик несколько раз потряс вместилище тайны, перемешивая руны, а затем, высоко подняв правую руку, дёрнул за дно предмета гадания. Королю Густаву Адольфу казалось, что руны упадут в одно место, но они, как листья под осенним ветром, разлетелись по квадратам-домам. Старик одному ему ведомым способом разделил руны на кучки, а потом, собрав вместе, отправил божественные знаки обратно в мешочек.

— Теперь, мой государь, мы можем вернуться под крышу и обсудить результаты гадания, — в словах Юхана Рунсхерре зазвучали повелительные нотки, но на них никто не обратил внимания. И трица вернулась в рабочий кабинет Густава Адольфа. Как только участники обряда оказались за массивной дубовой дверью, старый эриль произнёс тоном, не располагавшим к пререканию:

— Опора государства, сейчас мы должны остаться втроём... Ты, я и голос рун. Только мы и никто более. Послание свыше, предназначенное тебе, можно услышать лишь из моих уст, — эриль ничего не просил и никому не указывал, а слова его не выглядели дерзостью или вызовом власть имущим. Старик не ставил условий, он просто желал изложить послание высших, по его мнению, сил — древних богов, тому, кому оно было предназначено, без всяких препятствий, а также свидетелей. Личное должно остаться личным, когда оно обращено напрямую к одному, пусть и великому, человеку. — Руны поведали ряд предостережений для тебя, мой король, — медленно, как будто подбирая слова, а может, из-за сильного волнения, проговорил посерьёзневший эриль. — Отмени всё то, что хочешь сделать сегодня... Не доверяй сноп сена морской воде — он намокнет и распадётся на соломинки, а потом — уйдёт на дно. Не покидай пределов родной земли — там, за морем, наши боги бессильны. Не давай воли войне — она погубит многих, и победа будет иметь неслыханную цену. Если не поймёшь, не услышишь меня, не поверишь мне, уже сегодня для тебя наступит тьма духа и власти, а ты сам надолго потеряешь смысл света.

— Я уже сейчас ничего не понял, старик. Какой сноп сена? Почему мне нельзя воевать? Моя война и на море, и за морем уже не один десяток лет! Как же я могу от неё отказаться? Ты безумен и говоришь пугающими загадками... Или издеваешься над своим королём, ничтожный старец? — Густав Адольф, всегда спокойный и уравновешенный, теперь клокотал от злости и возмущения. А голос Юхана Рунсхерре, напротив, стал ещё спокойнее и убедительнее:

— Прости, славный правитель... Так мне нашептали руны, а тебе лучше знать свою

¹ *Alföðr, æðstan goða!* (др.-скандинавский — др.-исл.) — Всеотец, высочайший из богов!

² *Algingautr!* (др. скандинавский — др. усл.) — Альгингаут, имя Одина, означающее Великий Гаут. Сам Юхан Рунсхерре по происхождению (как ясно из текста) был гёттом-гаутом, проживавшим в Остергётланде (совр. Эстергётланде).

³ *Rúnatýr!* (др.-скандинавский — др.-исл.) — Рунатир, имя Одина, означающее Повелитель Рун.

⁴ *Ek erilar Johangr sa trúr hateka!* (др.-скандинавский — др.-исл.) — Я эриль Юхан, верным прозывающийся.

⁵ *Kom þu og blessi hund þjónn þinn!* (др.-скандинавский — др.-исл.) — Приди и благослови руку слуги твоего!

жизнь, мечты и желания. Повелитель Рун передал своё послание, суть предостережения, через меня, и я сейчас говорю его голосом, толкую его знаки предвидения. Тебя ожидает тьма, мой государь... Измени свои решения! Измени сейчас!

— Если не отступлю, то меня поглотит чернота духа и темнота возможностей? Но ведь ты, мастер рун, можешь изменить и начало их предсказания, и сход будущего... Ведь можешь! Так говорят легенды и предания нашей страны... Твоего народа. И я знаю об этом... Потому и призвал тебя. Помоги избежать краха надежд и его последствий. Помоги, ведь ты можешь.

Эриль порывисто, не смотря на кажущийся ветхим возраст, встал со своего стула и за два шага оказался подле короля, а сделав так, положил свою холодную ладонь на его руки, сжатые в кулаки.

— И да, и нет, король Густав Адольф... И — да. И — нет... — теперь их глаза находились так близко, что каждый видел в них другого или отражение самого себя. — Да, потому что я — последний, кто это всё ещё может. А нет, потому что я не буду так делать. Не буду, хоть убей сейчас или казни завтра. Почему? Вижу, что ответ гложет тебя, как влага дерево... Так слушай, государь, — удивительно, что пленённый эрилевым напором, король смог лишь утвердительно кивнуть, а старик продолжил свою исповедь: — Я происхожу из рода гётских Кракенов, что в древности правил Остергётландом, который теперь зовётся Эстергётландом и имеет свой столичный город. А на месте забытого всеми приморского селения Гульдсанден, где мой предок когда-то пустил корни, стоит Вольдемарсвик. Пусть так — время идёт и несёт с собой необходимую новизну как очередному потребностям бытия. В нашем роду издревле существует и передаётся из поколения в поколение сказание о Тордис Нежной Стали и норвежском изгое, проходимце — наёмном убийце Кьяртане, кто ведал тайны рун, но, обманывая даже могучих богов, использовал знания под себя. С их помощью, желая изменить свою жизнь, Кьяртан принудил к отречению от женской доли селянку Тордис, которую превратил в рунного воина Торда, с помощью сильнейшего заклятия — вечного рунного клейма. Государь, я могу, призвав силу рун, изменить твою судьбу, но тогда ты уже перестанешь быть королём Густавом Адольфом — превратишься в кровавого мясника, изгоя стран и народов, навсегда перестанешь быть собой — единым государём всех шведов. Вот чего я боюсь и чему никогда не дам сбыться. Но я ещё во власти снабдить тебя Одиновым воинским оберегом. Верь, я так решил и так сделаю! Дай мне то, что всегда с тобой, то, что день ото дня лежит у твоего сердца...

Густав Адольф, будто в морочном сне, сунул руку за пазуху и вынул сложенный вчетверо тонкий белый платок с кружевной оторочкой, а затем, разостлав тот на столе, пододвинул к эрилю. Под каждым углом платка золотыми нитками были вышиты ряды букв, собрав которые сведущий смог бы прочитать: Den Andrade Gustave Adolphe¹. А в самом центре увидеть королевский герб рода Васа — лев, держащий в руках диковинный сосуд.

Недолго думая, старик, обмакнув палец в чернильницу, под каждой надписью оставил по руне: Турисаз-Ансуз-Тейваз-Вуньё. Знаки непобедимого воина древнего бога войны. Турисаз — сила, неуязвимость и неутомимость в битве. Ансуз — неистребимый дух воина и пренебрежение к смерти. Тейваз — божий промысел, уверенность в себе и собственных возможностях, но не ради себя, а ради Одина. Вуньё — стяг войны, несущий его, предназначен лишь богу войны, освобождён от власти других вершителей судеб. И тогда эриль произнёс:

— Рунные знаки даруют воину многое, но не дают мнить себя выше богов. Равняясь по силе и мощи асам, он остаётся человеком, а значит, не бессмертным. Забери платок, государь, и никогда с ним не расставайся. А мне больше добавить нечего, теперь я знаю, что ты выберешь тьму, сделав всё, что задумал. Отпусти старика с миром... — очень тихо, с нотками сквозящей обречённости, закончил свою речь старый эриль Юхан Рунсхерре из Эстергётланда. Густав Адольф ненадолго задумался, рассеянно перебирая кружева манжетов, а потом слегка охрипшим от напряжения голосом ответил:

*Как безысходность выбирают тьму,
Когда смысл света полностью утрачен.
Как избавленье выбирают смерть,
Когда спасенье ничего уже не значит.*

Так, кажется, у вас говорят, южанин. Тьму и смерть каждый выбирает сам. А король выбирает один — за всех и каждого. Ты свой выбор сделал... Прощай, старик!

¹ Den Andrade Gustave Adolphe (ст. швед.) — Густав II Адольф.

Властно звякнул бронзовый колокольчик, и королевский гвардеец, сопровождаемый человеком в чёрном плаще и такой же маске, вывел старика из кабинета короля. В дальнейшем, потому тёмном, углу дворца на шею эриля легла тугая удавка, и он через несколько мгновений отошёл в мир своих предков. Никто не должен знать о слабостях и глубокой, потаённой неуверенности шведского короля — никто из живых. И старый эриль знал это, понял с того момента, когда впервые увидел лицо короля, знал и не отступил, в надежде, переубедив, спасти самого главного человека своей страны. Теперь со смертью эриля эта забота обернулась проклятием.

* * *

Утро разбудило задремавшего в кресле Густава Адольфа гомоном набережной, флотскими командами, прорывающимися из гавани в окна дворца, дребезжанием по брусчатке кованных железом колёс экипажей. И всё это заглушали, выходя на передний план, звуки воинских труб и треск барабанов гарнизона. Сегодня король отказался от завтрака, и тотчас же после омовения и недолгих сборов, в сопровождении свиты и охраны, блистательным конным кортежем двинулся к верфи, на которой должно было произойти самое важное в его жизни событие. Стадсхольмен была полна состоятельных горожан и праздных зевак, бедных и богатых людей, но весёлых и счастливых жителей шведской столицы, без умолку, до полной хрипоты кричащих: «Будь славен, король Густав Адольф! Будь славен, наш Северный Лев!»

А виновник торжества — величественный корабль «Vasa», ещё вчера спущенный со стапелей, всей свежестроганной красой гигантских бортов, невиданной доселе многочисленностью сияющих на солнце пушечных стволов, парусами немислимых размеров и огромным количеством команды — будоражил воображение зрителей своей необычностью, словно бросал немой вызов всему миру — всему свету.

Королевские корабли и военные моряки на новом корабле долго ждали знака или другой команды монарха к подъёму парусов и началу движения. Но в эти тяжкие минуты перед неумолимо близящейся ответственностью за результат Густав Адольф вдруг перестал быть флотоводцем и королём, он протяжно выдохнул, сотрясая окружающий воздух: «Сколь!» — как будто провозгласил тост, поднимая заздравный кубок в честь своего детища. А в ответ грохнули пушки столичных бастионов и военных кораблей, стоявших в гавани, и тысячи человеческих глоток повторили вслед за королём: «Сколь!!»

И вот «Vasa», расправив на порывистом ветру огромные паруса-крылья, медленно, как весенний медведь из берлоги, двинулся к фарватеру гавани. А потом случилось то, чего никто не ожидал и даже не предвидел... Корабль начал заваливаться набок — раздался оглушительный треск ломающегося дерева, визжащий скрип мачт и такелажа, сопровождаемые криками людей, оказавшихся в ловушке, через открытые порты в воду сыпались тяжёлые пушки. Всеми вокруг завладела оцепенение и ужас. С остальных кораблей флота, оказавшихся теперь на значительном расстоянии, спустили лодки, в надежде спасти тонущий экипаж флагмана, но спаслись немногие. Горестный стон и плач, как чёрная туча, повис над Стокхольмом: радость сменилась горем утраты и отчаянием. Люди крестились, в страхе смотря на небо, плакали и читали молитвы.

Видя крах своих надежд, Густав Адольф до крови искусал губы, а глаза короля-воина предательски подёрнулись слезами.

— Мой Бог, за что? — только это полным обиды голосом он смог произнести. А вездесущий Оксеншерна уже шептал на ухо своему королю:

— Капитан твоих драбантов родом с юга пояснил, что на их старом языке слово *vasa* означает свежий сноп сена... А словом *trasa* — тряпка — они называли корабельный парус. Получается, что старик хотел предупредить тебя, государь, — большие паруса на боковом ветру превратят твой корабль в сноп сена, расплывающийся на морской воде, как снег под весенним солнцем... Они заложат судно на бок и утопят. Дьявол, старик оказался прав.

Но Густав Адольф, казалось, ничего не слышал. И Аксель, осторожно взяв под руку, увёл того к парадной карете, предусмотрительно оставленной на набережной гавани. Так король Швеции покинул место своего неудавшегося триумфа, обернувшегося трагедией. С тех пор тьма завладела его духом, и Густав Адольф не смог больше оставаться в своём королевстве. Судьба гнала короля за море. Под грохот пушек, треск ружей, свист клинков, в дыму войны и крови врага он старался забыть о прошлом, и это ему удавалось. Ни одна рана не коснулась отчаянного смельчака.

Но вот однажды, в ходе долгой и кровавой битвы за Лейпциг, у местечка Лютцен германский туман сыграл с королём злую шутку: Густав Адольф попал в окружение имперских кирасир, из которого попытался вырваться с неслышными двумя десятками своих конных гвардейцев. Можно было отпустить людей и сдать самому — спасти

себя, но это спасение ничего бы уже не значило: плен короля позорнее смерти. Раненая рука сильно кровоточила, так что рукав мундира давно пропитался кровью, которая теперь капала на лошадиный бок. Пришлось достать с груди платок: затянуть рану с помощью здоровой руки и зубов. Кольцо врагов сжималось, впереди появились новые ряды кирасир Валленштайна, завершающие полное окружение шведского отряда. Выхода не было, оставалось лишь сражаться для того, чтобы достойно умереть — лев не может править из клетки.

Густав Адольф, отбросив в сторону обломок парадной шпаги, вооружился простой кавалерийской саблей, а затем призывно поднял её над головой, тем самым давая понять гвардейцам, что сам возглавит их последнюю в жизни атаку. Горячая, подвижная королевская кровь быстро пропитала платок, а чернильные руны расплылись, растворились в ней.

Встречный вражеский залп — пуля, ударив в грудь короля, именно в то место, где только что находился платок, пробила её насквозь.

Последнее, о чем подумал Густав Адольф, не успело дойти до губ и обратиться в звук, но внутри короля-воина эта мысль отозвалась молниеносным воспоминанием и благодарностью старому язычнику: «Я прощаю тебя, непокорный старик, дерзнувший поучать самого короля и ответить «нет» на его просьбу. Прости и ты меня, мудрый советчик. Да, смерть в бою славна, легка и прекрасна. Выходит, я шёл к ней через всю свою жизнь. Нельзя перечить судьбе, когда она уже predeterminedена свыше. Прощай, старый эриль. Жаль, на том свете не свидимся».

В окрестностях германского Нойшванштайна до сих пор обитают лебеди, разные по цвету оперения, но одинаковые по отношению к законам птичьей жизни, а один из них непременно — дух Густава Адольфа, короля Швеции, привязанного теперь к чужим камням и чужой воде. Но его лебединое потомство верит, что когда-нибудь наступит день, и мощные крылья унесут их, как некогда древних готов, на земли Южной Швеции, которая по-прежнему осталась Гёталандом — страной неутомонных гётов, так трепетно верящих в таинство лебедей, щук и васильков, которая до сих пор ждёт, что на ней родится эриль, подобный Юхану Рунсхерре. И, когда это случится, рунам откроются новые возможности, а люди станут лучше — мудрее, добрее, сострадательнее и честнее: на единой земле, под единым стягом, под единым богом.